

УДК 325.1(470+571)"20"

МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ

В.Т. Сакаев

Аннотация

Статья посвящена миграциям в Российской Федерации в XXI веке. Автор выделяет миграционные процессы как один из ведущих факторов политического развития России. Рассмотрено возможное влияние миграционных потоков на социально-политические процессы в стране, в том числе на вопросы обеспечения социально-политической стабильности, этнополитического и социального развития, национальной безопасности. Автор делает вывод о необходимости и важности миграции для развития России, но в то же время указывает на необходимость разумного подхода к регулированию миграционных потоков, которые при условии неконтролируемости способны быстро, кардинально и безвозвратно изменить российское общество.

Ключевые слова: Российская Федерация, XXI век, политическое развитие, миграционные процессы, социально-политические риски.

Социально-политическое развитие Российской Федерации в XXI веке в значительной степени будет обусловлено миграционными процессами. Продолжающаяся депопуляция, а также значительное сокращение трудовых ресурсов (в ближайшие 10–12 лет Россия ежегодно будет терять до 1 млн трудоспособного населения) приведут к значительному росту роли иммиграционных процессов. К 2060 г. суммарная демографическая нагрузка на трудоспособное население увеличится в России практически в 2 раза: с 38.6 на 100 человек трудоспособного возраста до 70.9 [1]. Миграции призваны смягчить негативные последствия развития демографических процессов в новом столетии. Однако исследователи расходятся во мнении относительно оптимальной численности мигрантов.

По подсчётам Л.Л. Рыбаковского, для поддержания нынешней численности населения России необходимо до 2025 г. ежегодно принимать около 490 тыс. мигрантов [2]. А.Г. Вишневский считает, что для достижения этой цели необходимо наращивать привлечение иммигрантов, причём после 2025 г. число прибывших должно превышать 1 млн человек в год [3]. По оценке Всемирного банка, для компенсации трудовых ресурсов России необходимо в ближайшие 20 лет принимать не менее 600 тыс. человек в год [4]. Действующая «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.» предполагает обеспечить на период до 2015 г. ежегодный миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек, а в 2016–2025 гг. – более 300 тыс. [5].

Сколько же сейчас мигрантов в России? Всероссийская перепись 2010 г. выявила, что в 2002–2010 гг. в страну въехало 2939.2 тыс. мигрантов (в среднем прибывало более 360 тыс. человек ежегодно) [6]. По данным Фонда ООН в области народонаселения, доля мигрантов среди экономически активного населения России составляет около 10% [7]. Учитывая запланированные темпы миграционного прироста, через 20 лет мигранты будут составлять до 20% населения страны, при этом они будут сконцентрированы в её главных экономических районах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т. д.). Один только ныне широко обсуждаемый проект «Большая Москва», по оценкам демографов, приведёт к дополнительному притоку в мегаполис 2–3 млн человек, среди которых значительную долю будут составлять внешние мигранты.

При таком уровне иммиграции очень быстро изменится этнический и социальный состав населения страны. К середине века мигранты и их потомки будут составлять свыше трети населения страны, а к концу века – больше половины. К этому нужно добавить, что перепись 2010 г. зафиксировала факт, что 11.2 млн жителей России родились за границей. Конечно, среди этого числа мигрантов значительную часть составляют лица, переехавшие в Россию из союзных республик во времена СССР, и тогда это были не внешние, а внутренние мигранты, но часть – около 7 млн человек – это лица, прибывшие в Россию после 1991 г.

Таким образом, массовой иммиграции России не избежать. Если бы не было массовой миграции в 1990–2000-е годы, численность населения страны была бы на 7–8% ниже (примерно 135–136 млн человек), на 3–4% была бы выше доля российских пенсионеров. Дальнейшее позитивное демографическое и экономическое развитие России однозначно связано с массовым притоком населения, причём следует отдавать себе отчёт в том, что это будет в своей массе инокультурная и иноязычная миграция, а она сопряжена с возникновением определённых угроз и рисков, о которых необходимо иметь адекватное представление. В этой связи важно рассмотреть концептуальные основы миграционной политики Российской Федерации.

Вновь принятая «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.», утверждённая Указом Президента РФ от 13 июня 2012 г., перечисляет следующие возможные социально-политические риски миграционных процессов.

1. Мигранты новых поколений, прибывающие в Российскую Федерацию из государств-участников Содружества Независимых Государств, по сравнению с их предшественниками, обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки.

2. Происходит изоляция мигрантов от принимающего социума, ведущая к социальной исключённости мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов.

3. Нарастание негативного отношения к мигрантам, в том числе рост ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости [8].

На наш взгляд, указанный перечень угроз внешней миграции чрезвычайно ограничен и не отражает всего спектра возможных рисков.

Для развития российского общества иммиграция, как мы полагаем, несёт следующие угрозы.

1. *Иммиграционные потоки идут из стран со сложной экономической и санитарной обстановкой.*

Этот тезис не нуждается в комментариях, так как в странах исхода мигрантов (как ближнего, так и дальнего зарубежья) в последнее время наблюдались вспышки эпидемий не только новых заболеваний вроде «птичьего гриппа», но и, казалось бы, уже забытых, например холеры.

2. *В приграничных районах России интенсивно формируются иностранные общины, особенно это касается регионов Сибири и Дальнего Востока, а также Северного Кавказа.*

В 2010 г. в Сибирском федеральном округе (далее ФО) проживало 19.3 млн человек, в Дальневосточном ФО – 6.3 млн человек [6]. По сравнению с данными 1989 г. численность населения Сибирского ФО сократилась более чем на 7.5%, а Дальневосточного – более чем на 19%, в том числе в 2002–2010 гг. на 4.0% и 6.0% соответственно [6, 9]. Эти показатели выше общероссийских в Сибирском ФО в 2 раза, в Дальневосточном – в 3.5 раза.

Сокращение численности объясняется прежде всего внутренней миграцией населения, так называемым западным дрейфом. Однако важнее то, что убывающее население замещают мигранты, создавая тем самым угрозу сепарации этих территорий в будущем. Недавняя история подсказывает нам печальный пример края Косово, заселённого албанскими мигрантами в течение второй половины XX в. и в итоге утраченного Сербией.

По расчётам известного синолога В. Гельбраса, в 2001 г. на территории России находились от 200.0 до 450.0 тыс. китайцев [10]. Цифра вроде бы незначительная, но если сравнить её с показателем численности китайцев во всём СССР в 1989 г. (20.0 тыс. человек), то она впечатляет – рост за 10 лет в 10–20 раз. По некоторым оценкам, к середине века численность китайских мигрантов может составить в России от 7 до 10 млн вместо нынешних 0.5 млн, в таком случае они станут второй по численности национальностью на территории РФ, опередив татар. Учитывая, что большая часть китайских мигрантов концентрируется сейчас в Дальневосточном ФО, подобный процесс может иметь самые плачевные последствия для сохранения российского контроля над этим субрегионом. Кстати, нынешняя «Концепция государственного регулирования миграционных процессов в РФ до 2025 г.» отмечает эту угрозу и предполагает к 2016 г. приостановить отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока, а к 2026 г. – обеспечить миграционный приток в эти районы [8].

3. *Иммиграционные потоки приводят к стихийному росту населения и росту преступности в некоторых регионах.*

Иммигрантские анклавные системы самоорганизации общества снизу способствуют формированию этнических преступных организаций как одной из наиболее эффективных адаптационных моделей. Здесь уместно привести мнение И.М. Кузнецова: «Имеющийся у временных трудовых мигрантов потенциал анклавизации провоцирует создание “буферной среды”, воспроизводящей социальные системы самоорганизации традиционной для них культурной среды. Это наиболее характерно для тех этнических мигрантов, традиции,

культура, нормы поведения которых существенно отличаются от бытующих у местного населения... Проблематичность появления таких “буферных” сред в том, что они имеют тенденцию превратиться в устойчивую, преемственную и саморазвивающуюся, теневую, достаточно сильно коррумпированную социальную систему с соответствующей обслуживающей инфраструктурой, включающей, помимо мигрантов и местных жителей, и официальных лиц разного уровня (независимо от этнической принадлежности), с вероятной последующей привязкой расселения мигрантов к определённым территориям принимающего сообщества, т. е. в некоторый конфликтный многонациональный, но традиционалистский по своей ценностной семантике анклав модернизированной (или модернизирующейся) городской среды» [11, с. 9].

4. В результате иммиграции изменяется этническая структура населения страны в целом и ряда субъектов РФ в частности.

Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. служат основным источником информации о численности и составе мигрантов, хотя они не всегда являются полными и точными. Например, Д. Богоявленский отмечает, что, по данным переписи, доля русских в Москве выросла (для указавших национальность) с 88.4% в 2002 г. до 91.7% в 2010 г., но простой взгляд на московскую улицу говорит об обратном [12]. Тем не менее и эти неполные данные дают возможность указать на существенный прирост численности некоторых среднеазиатских народов. В частности, в период с 2002 по 2010 гг. численность киргизов выросла с 31.8 тыс. до 103.4 тыс. (или на 225.1%), узбеков – с 122.9 тыс. до 289.9 тыс. (или на 135.8%), таджиков – с 120.1 тыс. до 200.3 тыс. (или на 66.7%). При этом, по переписным данным, прирост этих трёх народов составил более 300 тыс. человек, а по данным текущего учёта межстрановой миграции, из этих стран в 2002–2010 гг. прибыло почти полмиллиона человек.

Изменение этнодемографической структуры России вследствие миграции происходило и в 90-е годы XX в. Например, сейчас в России проживают крупные диаспоры армян (1182.4 тыс.), азербайджанцев (603.1 тыс.), корейцев (153.2 тыс.), турок (109.8 тыс.), китайцев (почти 0.5 млн). В 1989 г. численность армян в России составляла 532.0 тыс., азербайджанцев – 335.9 тыс., корейцев – 107.0 тыс., а турок – всего 9.9 тыс., китайцев – менее 20 тыс. человек [12].

Перепись 2010 г. показала, что в целом для всех мигрантов центрами концентрации являются Москва, Санкт-Петербург, Московская и Тюменская, Самарская и Волгоградская области. Кроме того, закавказские народы и корейцы плотнее расселены в Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, а среднеазиатские мигранты – в промышленных областях Урала и Сибири. Из областей Поволжья наибольшая концентрация среднеазиатских народов отмечается в Татарстане и Башкортостане [12].

Необходимо понимать, что нарушение этнического баланса в ряде регионов страны может отразиться на состоянии национальной безопасности и социально-политической стабильности.

5. В результате иммиграции меняется конфессиональная структура российского общества.

По данным В.Я. Белокрыцкого, численность мусульманского населения России в 1989–2002 гг. возросла, преимущественно вследствие миграции,

с 11.8 млн до 14.5 млн, а доля мусульман – с 8% до 10% соответственно. По его мнению, среди 1.5 млн россиян, которые во время переписи 2002 г. не указали свою национальность, могло быть до 0.5 млн мусульман, кроме того, в стране легально и нелегально находились 4–5 млн мусульман, не являвшихся гражданами России [13, с. 19–20].

Перепись населения 2010 г. подтвердила динамику роста мусульманского населения: доля мусульман среди постоянного населения уже превысила 10.5%, и это без учёта 5.6 млн россиян, которые не указали свою национальность, и нескольких миллионов мигрантов [6]. По мнению Дж. Саймона, сотрудника Университета национальной обороны США, к 2050 г., когда численность населения России снизится до 104.3 млн чел., мусульмане приблизятся к тому, чтобы стать большинством в стране [14]. И всё это в значительной степени вследствие миграций.

6. Массовая миграция иностранных граждан из государств Закавказья, Центральной и Восточной Азии создаёт базу для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма.

Религиозный экстремизм в 1990–2000-е годы уже проявил себя в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Киргизии. Вместе с мигрантами на территорию России проникают и представители экстремистских и террористических организаций. Сами же мигранты могут, в силу социальной отчуждённости и сегрегации, превратиться в удобную среду для распространения подобных идей в России.

7. Среди иностранных работников, занятых в России, велика доля нелегальных мигрантов, что благоприятствует развитию теневой экономики.

Существенную угрозу социально-политической стабильности несёт миграция и в виде так называемой *ловушки бедности*. Бедность – это прежде всего дефицит возможностей. Большинство нелегальных мигрантов – это лица с низкими доходами, следствием чего становятся недостаточное и неполноценное питание, тяжелые жилищные условия, низкий уровень образования, в совокупности формирующие плохое состояние здоровья. Нелегальные мигранты, которые находятся в России, не имея необходимых документов, сталкиваются с серьёзными правовыми и социальными ограничениями. Особенно от этого страдают женщины и дети, которые часто не могут воспользоваться услугами системы медицинского обеспечения, системы образования. Во многих случаях беспризорные дети – это дети нелегальных мигрантов.

8. Легальные и нелегальные трудовые мигранты занимают рабочие места россиян, что вызывает социальную напряжённость на определённых территориях.

У мигрантов нет высоких требований к оплате труда, экологии, безопасности и режиму труда. Тем самым их широкое присутствие на рынке труда ведёт к деградации социально-трудовых отношений и норм, принятых в российском обществе. В то же время нацеленные на постоянное жительство в России мигранты перевозят сюда свои семьи, что усиливает нагрузку на социальную инфраструктуру конкретного муниципалитета и региона. Таким образом, характеристики *численность и состав мигрантов, их образовательный и профессиональный уровень*, а также *половозрастная структура* оказывают непосредственное

влияние на уровень социальной напряжённости в каждом регионе. Часто временная трудовая миграция превращается в постоянную проблему. Здесь уместно вспомнить опыт ФРГ, принявшей в 60-х годах XX в. несколько миллионов временных турецких рабочих сроком всего на 2 года!

9. Изоляция мигрантов от принимающего социума ведёт к их социальной исключённости, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов, живущих по своим правилам и законам.

В условиях массовой миграции отторжение этнически и культурно чуждых мигрантов может привести к серьёзным социально-политическим конфликтам. Если мигранты не будут включены в российское общество, они начнут воспроизводить собственную политическую идентификацию, скорее всего связывая и идентифицируя себя со своей исторической родиной. Трудно себе представить перспективы России, если треть или большая часть населения не будет идентифицировать себя как россияне.

10. Массовые иммиграции провоцируют рост негативного отношения к мигрантам, в том числе ксенофобию, национальную и расовую нетерпимость.

Миграционный дискурс оказывает влияние на политические процессы, нередко определяет стереотипы массового сознания. На фоне мигрантофобии начинают активно действовать радикальные националистические организации (например, Движение против нелегальной миграции, группы скинхедов и т. д.), пропагандирующие деструктивную идеологию. Известно, что чаще против мигрантов выступают люди с низким уровнем образования и дохода, а также молодёжь. Конечно, в определённой степени ксенофобия удобна для властей как инструмент этнополитической мобилизации, но ксенофобия также порождает процесс этнизации русских, что ведёт к расколу российской нации.

11. Массовые инокультурные и иноязычные миграции задают специфический вектор формирования общероссийской идентичности.

Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение доли русских в общей численности населения с 81,5% в 2002 г. до 77,7%, а число русских уменьшилось за 8 лет в целом на 4 млн человек [6]. Учитывая, что русский этнос является системообразующим, можно ожидать, что эти массовые миграционные процессы приведут к изменению сущности российской государственности. Россия из страны с доминирующим русским населением может в течение нескольких десятилетий превратиться в страну, где русские будут лишь относительным большинством. Это может затруднить формирование общероссийской идентичности, тем более что подобные примеры в мире хорошо известны, вспомним хотя бы печальный опыт Канады [15, 16].

12. Миграции как фактор развития демократических институтов и электоральных процессов.

Электоральные предпочтения мигрантов станут важным фактором российской политики уже в ближайшем будущем. Фактически можно говорить о том, что после 2050 г. электоральные рейтинги политических лидеров и политических партий будут в значительной степени зависеть от предпочтений мигрантов и их потомков. Учитывая преобладание среди мигрантов представителей среднеазиатских народов, можно предполагать и определённую трансформацию

политического сознания и политических стереотипов в российском обществе. В результате изменится публичный дискурс политики.

Показательны в этом отношении примеры последних президентских выборов во Франции и США, где победы Ф. Оланда и Б. Обамы имели место во многом благодаря поддержке мигрантов из Северной Африки в первом случае и Латинской Америки во втором. Так, в США, по данным Бюро переписи, в 1900 г. проживало всего 0.5 млн испаноязычного населения, в 2000 г. – более 35.3 млн, а в 2010 г. – около 50.5 млн человек [17]. К 2050 г. испаноязычные составят 30% населения США, однако уже сейчас массовые миграции изменили избирательную систему США, так как электорат двух основных политических партий стал демографически детерминированным [18]. Подобной ситуации можно ожидать в скором времени и в России.

Подводя итог, следует отметить, что миграции несут немало серьёзных социально-политических рисков. Конечно, без миграции России не обойтись – она необходима для сохранения нынешней численности населения или хотя бы для замедления процессов депопуляции, для усиления демографического потенциала страны (возрастная структура населения, численность населения в трудоспособном возрасте), необходимого для обеспечения экономического развития в XXI веке. Но следует также предвидеть и учитывать последствия неуправляемых миграционных процессов. Необходимо определить допустимые пределы миграции, которые, обеспечивая демографическое и экономическое развитие страны, не приводили бы к коренному изменению российского общества и государства.

Summary

V.T. Sakaev. Migrations in the Russian Federation in the 21st Century: Social and Political Risks.

The article deals with migrations taking place in the Russian Federation in the 21st century. The author regards migration processes as one of the leading factors of the political development of the Russian Federation. It is considered how migration flows can influence social and political processes in the country, including safeguarding of social and political stability, ethno-political and social development, and national security. The author reveals the inevitability and importance of migrations for the development of Russia, at the same time drawing attention to the necessity of deliberate and reasonable approaches to the regulation of migration flows, which, in uncontrollable forms, can change Russian society quickly, dramatically, and irrevocably.

Keywords: Russian Federation, 21st century, political development, migration processes, social and political risks.

Литература

1. Демографическая нагрузка, 1950–2100 // Демоскоп Weekly. Приложения. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40der.php>, свободный.
2. Рыбаковский Л.Л. Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет // Фонд исторической перспективы. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/demo/strategija_demograficheskogo_razvitiya_rossii_na_blizhajshije_20_let_2007-01-01.htm, свободный.

3. *Вишневский А.Г.* Альтернативы миграционной стратегии // ПОЛИТ.РУ. – URL: <http://polit.ru/article/2004/12/23/vishnevsky>, свободный.
4. Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. – 2010. – 29 марта. – С. 10.
5. Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. // Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. – URL: <http://base.garant.ru/191961/#1000>, свободный.
6. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm, свободный.
7. Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. – 2010. – 5 апр. – С. 12.
8. Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://президент.рф/acts/15635>, свободный.
9. Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 230 с.
10. *Гельбрас В.* Китайцы в России: сколько их? // Демоскоп Weekly. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php>, свободный.
11. *Кузнецов И.М.* Адаптационные модели мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2006. – 23 с.
12. *Богоявленский Д.* Влияние миграции на этнический состав населения // Демоскоп Weekly. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema04.php>, свободный.
13. *Белокреницкий В.Я.* Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Евразийские исслед. – 2008. – №2. – С. 3–31.
14. *Саймон Дж.* Неужели демография – это судьба? // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 2. – С. 40–54.
15. *Зазнаев О.И.* Национально-государственная идентичность: зарубежный опыт и Россия // Политическая идентичность и политика идентичности: Очерки. – Казань: Отечество, 2011. – С. 6–28.
16. *Зазнаев О.И.* Канадская национальная идентичность: проблемы формирования // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 1. – С. 226–233.
17. *Humes K., Jones N., Ramirez R.* Overview of Race and Hispanic Origin: 2010 (2010 Census Briefs). – Suitland, MD: U.S. Census Bureau, 2011. – 23 p.
18. *Травкина Н.* Новая демография Америки // Экономическая политика: экспертный канал. – URL: <http://ecpol.ru/index.php/syuzhety/243-novaya-demografiya-ameriki>, свободный.

Поступила в редакцию
13.11.12

Сакаев Василь Тимерьянович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Филиал Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны, г. Набережные Челны, Россия.

E-mail: sakaev2003@mail.ru